

Семен Юшкевич

Сумерки



Семен Юшкевич

Сумерки

«Public Domain»

1907

Юшкевич С. С.

Сумерки / С. С. Юшкевич — «Public Domain», 1907

«Теперь наступила нелепость, бестолковость... Какой-то вихрь и страсть! Всё в восторге, как будто я мчался к чему-то прекрасному, страшно желанному, и хотел продлить путь, чтобы дольше упиться наслаждением, я как во сне делал всё неважное, что от меня требовали, и истинно жил лишь мыслью об Алёше. По целым часам я разговаривал с Колей о Настеньке с таким жаром, будто и в самом деле любил её, – может быть и любил: разве я понимал, что со мной происходит?»

© Юшкевич С. С., 1907

© Public Domain, 1907

Семен Соломонович Юшкевич

Сумерки

Теперь наступила нелепость, бестолковость... Какой-то вихрь и страсть! Всё в восторге, как будто я мчался к чему-то прекрасному, страшно желанному, и хотел продлить путь, чтобы дольше упиться наслаждением, я как во сне делал всё неважное, что от меня требовали, и истинно жил лишь мыслью об Алёше. По целым часам я разговаривал с Колей о Настеньке с таким жаром, будто и в самом деле любил её, – может быть и любил: разве я понимал, что со мной происходит? Подобно ему я целовал платок милой девочки, стоял с ним перед географической картой и внимательно вглядывался в точку, обозначавшую Ниццу, где жила Настенька, и хотя я утверждал, что целование платка мне невыразимо приятно, я только думал об Алёше, и с каждым разом всё неприятнее становилось слушать о ней...

В воскресенье, 12 ноября, – я запомнил день, – часов в восемь вечера пришёл Серёжа, и мы, забравшись в детскую, устроились на кровати.

– Что, опять дождит? – спросил Коля с гримасой.

– Мне тепло... – пробормотал я.

Серёжа оглянулся, засунул руку в боковой карман гимназической рубашки, ещё раз оглянулся и вынул письмо.

– Вот, – сказал он, ударив рукой по конверту, – сегодня после обеда было получено.

– От кого? – спросил Коля, покраснев, и опустил глаза.

– От Насти. Через неделю они выезжают из Ниццы.

У Коли побелели губы...

– Он рад, – мелькнуло у меня. – Отчего же мне стало досадно? Досадно? Но ведь он мой брат. Пусть, пусть, он будет счастлив, – слёзы подступили к моим глазам, – пусть, но отчего никто не думает о моём Алёше; почему никто не интересуется мной, как Колей; почему меня оставляют страдать в одиночестве?

– Серёжа! – произнёс вдруг торжественно Коля.

Я с ужасом отвернулся, и на миг мне показалось, что вот-вот из моих глаз брызнет кровь. Послышался шёпот. Я оглянулся. Серёжа уже сидел рядом с Колей и, опустив голову, слушал его. Дикая, мучительная ревность хлестнула по моему сердцу. Вдруг хлестнула внезапно. И невыносимо захотелось плакать, топтать ногами.

– Теперь или никогда! – крикнул кто-то во мне. – Их трое! Брат изменил! Настенька изменила! Всё равно! На что надеяться? Я люблю, – но я обожаю моего Алёшу! О, прощайте, прощайте, мои стены, моя детская кровать, мой брат!

– Куда ты? – спросил Коля.

– ...У тебя радостный голос, – беспорядочно несло у меня. – Ты любишь Настю? Серёжа разрешил тебе любить её... О, прощайте, прощайте!

В передней я остановился. Куда я бегу? Ведь из столовой меня мать заметит!

– Ну пусть, – опять рванулся я, – пусть меня убьют! Кого убьют? Разве я живу? Нет, нет, об этом потом!..

Я тихо открыл дверь в коридор и шмыгнул к выходу.

– А вам всё равно, – с горечью подумал я, когда благополучно добрался к выходу, нарочно останавливаясь в дверях, чтобы меня увидели.

Но нет, никто меня не замечает, никто не интересуется. Вперёд, дальше! Куда бежать? Я уже не знаю куда, – и не думаю об этом. Только хочется чьей-нибудь жалости, чьей-нибудь ласки. Я выбежал во двор, весь во власти самых отчаянных, самых безумных решений. Луна стояла высоко, одинокая, медленно погружалась и выплывала из чёрных туч, и с горячим сочувствием я посмотрел на неё.

– Ты одна... я один, – мелькнуло у меня. – Или ты одна, или я один? – пробежала вторая мысль.

Я задрожал, затосковал от ужаса... Надо верить: я существую! Или ни луна, ни я! Кто это подумал? Никто! Что же я такое – тень ли? Бог ли? Человек-Бог! Пощадите!.. Мне понравилось это слово и я долго повторял, глядя на луну: пощадите, пощадите!

Где-то послышались шаги. Снова ужас! Шаги! Что означает шаги? Ш-а-ша! Да, да, ша! Луна... ш-а-ша! Впрочем, после. Главное к Алёше! У тебя Настенька, у меня Алёша!

Я засмеялся, и долго вертелся на одном месте... Потом, словно меня толкнули, быстро пробежал двор и с шумом влетел в квартиру Алёши... Много лет прошло с того вечера, когда я, дикий, внутренне изуродованный, влетел в комнату бедных людей, – но и теперь ещё, вспоминая, что я увидел, я испытываю то же жуткое чувство, тот же благоговейный, потрясающий страх. Одним взглядом я обнял всё. Я увидел её, – врага людей, – нищету чудовищную, нищету позорную, в нищете рождённых, дорогих людей, вспоенных и вскормленных несчастьем... И, помню, в этот миг было такое чувство, будто враг, из железа выкованный, шёл на меня, и тут же, просветлевший, я поклялся на вечную борьбу с ним. Ни звука, ни стопа! И спросил я себя: почему они покорны? Я залечу ваши раны!.. Возьмите меня! О, зачем я подумал, как смел мечтать о любви!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.